

ПРОИСХОЖДЕНИЕ МЕЗОЛИТА СЕВЕРНОГО ПРИКАСПИЯ
(СОСТОЯНИЕ ПРОБЛЕМЫ)

Проблему происхождения мезолита Северного Прикаспия можно без сомнения назвать самой сложной и дискуссионной в общем исследовательских задач по этой тематике. Причины отсутствия однозначного решения этого вопроса разнообразны и связаны как со спецификой в постановке самой проблемы по отношению к северо-прикаспийскому региону, так и с чрезвычайно слабой изученностью мезолита районов, непосредственно примыкающих к Северному Прикаспию. Надо отметить также отсутствие в современной науке детально разработанных и единых методических подходов в решении вопросов генезиса археологических культур в целом.

Главная исходная посылка, в которой заключено своеобразие в постановке проблемы происхождения мезолита Северного Прикаспия, касается отсутствия в этом регионе по палеогеографическим причинам местной верхнепалеолитической культурной основы. Это исключает возможность автохтонного формирования культур эпохи мезолита, на что впервые указал А.Н.Мелентьев (Мелентьев А.Н., 1977. С.106). И в дальнейшем все исследователи, обращаясь к этой проблеме, исходили из признания миграционного характера мезолита региона. При этом они были едины также и в вопросе общего направления поиска истоков этого мезолита, а именно южного - юго-западного. Расхождения выявились по другому вопросу – при определении конкретного субстрата или источника культурного импульса в Северный Прикаспий. По этому поводу было выдвинуто несколько гипотез, которые условно можно обозначить как «ближневосточную» (А.Н.Мелентьев), «северокавказскую» (Х.А.Амирханов) и «кавказско-переднеазиатскую» (И.Б.Васильев, А.А.Выборнов, А.М.Комаров, П.М.Кольцов).

А.Н.Мелентьев предположил единый исходный верхнепалеолитический субстрат у ближневосточной зарзийской и серогприкаспийской сероглазовской культур, которые в дальнейшем продолжали существовать как самостоятельные ветви. При этом сероглазовские комплексы обнаруживают, по мнению исследователя, «наибольшую близость мезолиту натифийского

типа среди локальных ветвей зарзийской индустрии Ближнего Востока» (Мелентьев А.Н., 1977. С.106). Эта близость иллюстрируется единством вторичных технических приемов, а конкретно двусторонним ретушированием геометрических вкладышей. Конвергентное возникновение этого специфического приема автор считает маловероятным и на этом основании гипотетически предполагает не только единство исходной индустриальной основы, но и этногенетическую близость культур. Позднее ученый уже со всей определенностью утверждал, что «появление сероглазовской культуры следует рассматривать как результат миграции населения с Ближнего Востока» (Мелентьев А.Н., 1988. С.63). Важным аргументом в пользу натуфийского варианта ближневосточной версии автор считает также близость экологических ниш Восточного Средиземноморья и Северного Прикаспия (Мелентьев А.Н., 1977. С.106).

П.М.Кольцов предложил несколько вариантов решения проблемы. С одной стороны, он считает заслуживающей внимания известную гипотезу Н.О.Бадера о «племенном единстве» верхнепалеолитических и мезолитических культур Кавказа и Передней Азии, а с другой отмечает что в таких крупных регионах с местными истоками мезолита и богатыми техническими традициями в кремневой индустрии «появление тех или иных орудий ... могло быть вызвано развитием самих производительных сил, а в некоторых случаях и близостью экологических условий» (Кольцов П.М., Эрдниев У.Э., 1985. С. 137). В конечном итоге исследователь склоняется к своего рода компромиссному варианту и считает перспективным «решение, когда мезолит Кавказа, восприняв новые, но не ставшие ведущими переднеазиатские черты, приобретает лишь новое качество». При этом он делает интересное предположение о том, что «вероятней всего, следует искать двойственную по своему происхождению основу в мезолитическом субстрате прикаспийских культур» (Кольцов П.М., Эрдниев У.Э., 1985. С.137).

Один из ведущих современных специалистов по каменному веку Кавказа Х.А.Амирханов категорически отверг гипотезу А.Н.Мелентьева о ближневосточных генетических корнях сероглазовской культуры. Из всех типологических параллелей Ближнего Востока и Северного Прикаспия, на которые указывает А.Н.Мелентьев, исследователь справедливо, на наш взгляд, посчитал значимым только наличие орудий, близких к сегментам гелуанского типа. Однако и этот аргумент ученый ставит под сомнение. Основываясь на фактах единичного присутствия в инвентаре ряда финальнопалеолитических и мезолитических памятников Северо-Западного Кавказа этих специфических изделий (Сатанай, местонахождение Овечка), Х.А.Амирханов предполагает возможность их конвергентного возникновения в пределах указанного региона, так как «логичнее допустить их распространение в пределах самого Кавказа на двести километров с севера на юг, чем протягивать связи на многие тысячи километров к Восточному Средиземноморью» (Амирханов Х.А., 1987. С.198).

Следуя той же схеме рассуждений истоки мезолита Северо-Западного и Северного Прикаспия предлагается искать на Северном Кавказе. При

этом исследователь напоминает, что сам А.Н.Мелентьев не высказывался в пользу движения носителей зарзийской традиции вдоль восточного побережья Каспия, а данные о западнокаспийском пути их продвижения на север отсутствуют (Амирханов Х.А., 1987. С.200). Для обоснования своей точки зрения Х.А.Амирханов привлекает и сравнительно новые материалы из Предкавказья (Томузовка, Дубовка), где присутствуют сегменты с обработкой дуги чередующейся ретушью. По мнению ученого, "по существу, это гелуанская техника ретуширования, приспособленная к узким и тонким заготовкам", а сами стоянки заполняют пространственный разрыв между кавказскими и прикаспийскими памятниками "и служат еще одним веским позитивным аргументом в пользу мнения о северокавказских, а не ближневосточных истоках мезолита Северного и Северо-Западного Прикаспия" (Амирханов Х.А., 1987. С.201).

Позиция самарских археологов (Васильев И.Б., Выборнов А.А., Комаров А.М.) по вопросу происхождения североприкаспийского мезолита не столь конкретна и более осторожна. Они также не поддержали идеи А.Н.Мелентьева о прямой миграции ближневосточного населения и солидаризировались с Х.А.Амирхановым по поводу существования культурной североприкаспийской общности эпохи мезолита (правда, с несколько иными границами). Что касается генетической основы этой общности, то авторы считают нецелесообразным ограничивать ее лишь северокавказским регионом и предполагают более широкий кавказско-переднеазиатский (в том числе и опосредованно натуфийский) культурный импульс в Северный Прикаспий (Васильев И.Б., Выборнов А.А., Комаров А.М., 1991. С.20-22).

Высказанные разными исследователями точки зрения по поводу конкретного источника миграционного импульса убедительно показывают, что вопрос о происхождении мезолита Северного Прикаспия выходит за рамки узко локальной проблемы и нуждается в рассмотрении на более широком историко-культурном фоне. Первостепенное значение здесь имеет выяснение роли культур палеолита-мезолита Передней Азии и Кавказа в сложении культур более северных регионов. При этом сам факт существования в древности крупнейшей историко-культурной области – кавказско-переднеазиатской в настоящее время можно считать доказанным, а ее влияние на более северные территории – общепризнанным (Ефименко П.П., 1939; Формозов А.А., 1953; 1965; 1977; Бадер Н.О., 1965; 1975; 1984; Борисковский П.И., 1984; Амирханов Х.А., 1986; Рогачев А.Н., Аникович М.В., 1984). Другое дело, что конкретизировать содержание процесса распространения кавказско-переднеазиатского влияния или населения в Северный Прикаспий пока весьма затруднительно из-за отсутствия каких-либо "следов" этого распространения на промежуточных транзитных территориях. Поэтому версионность в подходах к решению этой проблемы неизбежна.

Конечно, ближневосточная версия А.Н.Мелентьева в том виде, как она была сформулирована (прямая миграция), маловероятна, а главное - на данном этапе исследования недоказуема. Тем не менее, категорически от-

вергать эту гипотезу, по примеру Х.А.Амирханова, пока преждевременно, поскольку иные подходы обладают не намного более строгой и содержательной доказательной базой, которая зачастую сводится из-за немногочисленности данных к суждениям чисто субъективного порядка. Кроме того, необходимо найти объяснение наличию в Северном Прикаспий пусть единичных, но очень специфических изделий - наконечников стрел "с перехватом", напоминающих натуфийские, которые наряду с "гелуанскими" сегментами определяют облик этой ближневосточной культуры (Массон В.М., 1966; Шнирельман В.А., 1975). Примечательно, что североприкаспийские наконечники изготовлены из типичного "мезолитического" сырья и подобные изделия совершенно не представлены ни в одной из известных мезо-неолитических культур Кавказа или какого-либо другого региона.

Открытым остается вопрос и об исходном источнике распространения на Кавказ и в Северный Прикаспий "гелуанских" сегментов. Аргументы, выдвинутые Х.А.Амирхановым в пользу их конвергентного возникновения в кавказском регионе, представляются нам не вполне убедительными (конвергентность в происхождении любого, даже очень специфического изделия теоретически можно предполагать всегда, и с таким утверждением трудно спорить), а роль этих орудий в мезолите Ближнего Востока по сравнению с Кавказом просто несопоставима. Любопытно, что североприкаспийские сегменты с двусторонней ретушировкой и классические гелуанские экземпляры по своим параметрам и характеру обработки абсолютно идентичны. Это подтвердил и крупнейший специалист по каменному веку Ближнего Востока американский археолог Д.О.Хенри, который в 1992 году ознакомился с коллекциями из Северного Прикаспия в г.Самаре. Об особом месте этих орудий в материалах мезолитических памятников свидетельствуют даже результаты трасологических определений: все североприкаспийские изделия этого типа использовались в качестве резчиков. Применение столь необычных по форме и обработке изделий для выполнения относительно простых операций прямо указывает на их исключительно культурную смысловую нагрузку в коллекциях стоянок. Здесь уместно привести точку зрения Л.С.Клейна, который выступает против чересчур прямолинейного подхода к вопросу расселения народов в древности, когда "миграцию считают доказанной, если на новом месте культура повторяет все формы исходного очага, будто обрисованная по тому же лекалу". Исследователь считает это требование несуразным, так как "обычно уходят не все слои населения и, соответственно, уносят не весь комплект компонентов культуры", поэтому "генетические связи надо устанавливать по редкостным, специфическим элементам" (Клейн Л.С., 1984).

"Северокавказская" версия Х.А.Амирханова до конца проблемы происхождения так же не разрешает. В этом регионе действительно находится единственный памятник - Сатанай (Губский навес №7), где в каменном инвентаре присутствует классическое для Северного Прикаспия сочетание сегментов двух видов (с одно- и двусторонней ретушировкой) и параллелограмма. Однако это сочетание вовсе не является определяющим в коллек-

ции, где среди геометрических форм преобладают трапеции самых разных конфигураций, в основном симметричные с прямыми и вогнутыми боковыми гранями. В Северном Прикаспии традиция изготовления трапеций, в принципе, выражена крайне слабо. Тем не менее, сам факт присутствия типичного североприкаспийского набора геометрических форм, а также ранняя хронологическая позиция памятника (рубеж верхнего палеолита-мезолита) позволяют наметить наиболее вероятный пока образ культурного субстрата мезолита Северного Прикаспия. Окончательно склониться к этому варианту мешает, помимо иных причин, отсутствие промежуточного территориального и хронологического звена между северокавказскими и североприкаспийскими материалами.

В целом необходимо признать, что в настоящее время более детальное и определенное решение проблемы происхождения мезолита Северного Прикаспия невозможно. Предпочтительнее оставить открытым вопрос и о конкретном источнике культурного импульса в этот регион, обозначив мезолитическую культуру Северного Прикаспия в качестве производного явления кавказско-переднеазиатской историко-культурной области. Дальнейшая разработка этой проблемы в значительной степени будет зависеть от изучения прилегающих транзитных территорий, где могут быть обнаружены памятники, маркирующие передвижение древнего населения к Северному Прикаспию и одновременно отражающие процесс становления своеобразной мезолитической культуры этого региона. Перспективной также представляется идея опосредованного (через Кавказ) переднеазиатского влияния на изучаемую территорию.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Амирханов Х.А., 1986. Верхний палеолит Прикубанья. М.
Амирханов Х.А., 1987. Чохское поселение. М.
Бадер Н.О., 1965. Варианты культуры Кавказа в конце верхнего палеолита – начале мезолита // СА. №4.
Бадер Н.О., 1975. Поздний палеолит Загра и Имеретии // Памятники древнейшей истории Евразии. М.
Бадер Н.О., 1984. Поздний палеолит Кавказа // Палеолит СССР. М.
Борисковский П.И., 1984. Проблемы палеолитических культур, хозяйства и социального строя // Палеолит СССР. М.
Васильев И.Б., Выборнов А.А., Комаров А.М., 1991. Мезолит Северного Прикаспия (итоги и задачи изучения). Свердловск-Самара.
Ефименко П.П., 1939. Капсийцы - охотники и собиратели // Изв. ГАИМК. Вып.100.
Клейн Л.С., 1984. От Днепра до Инда // Знание-сила. №7.
Кольцов П.М., Эрдниев У.Э., 1985. Мезолитическая стоянка Харба в Калмыцкой АССР // Проблема хронологии археологических памятников Северного Кавказа. Орджоникидзе.
Массон В.М., 1966. К вопросу о мезолите Передней Азии // МИА. 126. М.-Л.

Мелентьев А.Н., 1977. Мезолит Северного Прикаспия (памятники сероглазовской культуры) // КСИА. Вып. 149.

Мелентьев А.Н., 1988. К вопросу датировки позднечетвертичных колебаний уровня Каспийского моря и реконструкции природной среды по археологическим материалам // Природа и человек. М.

Рогачев А.Н., Аникович М.В., 1984. Поздний палеолит Русской равнины и Крыма // Палеолит СССР. М.

Формозов А.А., 1953. Из истории передвижения групп первобытного человека в эпоху мезолита // СЭ. №1.

Формозов А.А., 1965. Каменный век и энеолит Прикубанья. М.

Формозов А.А., 1977. Проблемы этнокультурной истории каменного века на территории европейской части СССР. М.

Шнирельман В.А., 1975. Проблема происхождения натуфийской культуры (обзор литературы) // СА. №4.